

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(=512.145)

НУЛЕВАЯ ТОЧКА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Р.С. Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Исторические исследования предполагают некое начало отсчета пространства-времени – Нулевую точку координат. В силу бифуркации в Нулевой точке течение социальных процессов резко меняется и детерминистская причинность заменяется на вероятностную. В силу этого меняется структура социальных отношений, форма государственности, течение этнических процессов. Появляется новый дискурс поведения народов. Применительно к истории татар и Татарстана такими точками бифуркации становилось время образования Тюркского каганата, Волжско-Камской Булгарии и Золотой Орды. Российская империя, несмотря на радикальные перемены, не сумела превратить татар в россиян, а потому современные татары сохранили золотоордынские традиции в качестве культурного инварианта.

Ключевые слова: татары, Волжско-Камская Булгария, Золотая Орда, Россия, нулевая точка истории, историческое время.

Обращаясь к прошлому, мы задаемся вопросами: историю чего мы хотим узнать? Какие свидетельства нам нужны? Насколько событие становится событием, чтобы было достойным внимания? Нужно ли нам собирать всю массу исторических документов и свидетельств, ведь сегодняшние задачи могут оказаться не продолжением, а преодолением прошлого? К примеру, можно опубликовать сотни томов произведений схоластов и получить один и тот же ответ, что это была тупиковая ветвь общественной мысли, которая стала тормозом для социального движения. Это будет сизифов труд, подтверждающий давно открытую истину.

Мишель Фуко пишет: «История – это только инструмент, с помощью которого обретает надлежащий статус весь корпус документов, описывающих то или иное общество»¹. Не документы определяют историю, а историография находит им место. Прежде чем выводить на свет из архивов сотни и тысячи документов, нам надо ответить на вопрос: какое явление мы изучаем? У истории нет собственного объекта. В этом смысле она не является наукой в строгом смысле. Она всего лишь снабжает другие гуманитарные дисциплины методикой исследования изменений объектов во времени. Но сам объект исследования дается этнологией, психологией, политологией, лингвистикой, экономикой и т.д. Мы вынуждены очертить границы того явления, которое выделяем из потока жизни в качестве объекта исследования. Можно изучать

¹ Фуко Мишель. Археология знания. Киев, 1996. С. 10.

историю государства, или же народа, или какой-то территории, причем целиком или в каком-то разрезе: экономическом, лингвистическом, политическом и т.д. Татары сегодня и татары VII века – не одно и то же явление. Для сравнения прошлого с настоящим необходимы точка отсчета и масштаб времени, с тем чтобы определиться, о каких татарах идет речь – тех, что продолжают сегодня былые традиции, или же о легендарных.

Понятие времени вне пространства не имеет смысла. Оно становится мифологизированным, тогда мы о времени выражаемся с большой буквы, как о течении Времени, Судьбе, Роке, стоящем над людьми. Поэтому имеет смысл говорить о пространстве-времени (хронопространстве). Иммануил Валлерстайн считает время и пространство не отдельными категориями, а одним понятием, которое он называет «временем-и-пространством» (Time-Space). М. Бахтин называл ее «хронотопом», а Крыштоф Помиан – «хронософией», подчеркивая, что в таком понимании время становится не просто хронометрией или хронологией, а объектом дискурса. У каждого народа и государства свое происхождение, которое по времени не совпадает с аналогичными процессами у других народов. Определиться с моментом появления народа сложно в силу отсутствия ясных критериев, по которым можно маркировать это время. Ни язык, ни культура, ни религия не дают точной даты.

Не существует абсолютной системы координат пространства-времени для сравнения процессов мировой истории. Нет мировой истории как целостного явления. Этим вопросом задавались многие ученые. Альфред Шютц в обобщенной форме пишет: «Другим совершенно непроясненным шагом является переход от субъектов, коммуницирующих друг с другом, к конституции личных союзов (unities) более высокого порядка, ассоциациям субъектов, которые имеют свой собственный окружающий мир, и от этих ассоциаций к всеобъемлющему сообществу, окружающий мир которого более не содержит субъектов, – к сообществу духов (Geistergemeinschaft), сталкиваемому с миром значимых для духа объектов как с миром для духа (Geist). Можно уже видеть, что смыслы понятий “лицо” (person), “коммуникация”, “окружающий мир” и “субъективность” настолько смещаются при переходе на более высокие уровни, что это может рассматриваться только как метафорическое употребление неадекватных терминов»². Несмотря на сложность формулирования сообществ, выходящих за рамки государства или народа, Валлерстайн предлагает рассматривать мир-системы, охватывающие многие народы и длительные периоды времени³. Он вводит понятие «исторической системы», основанной на развивающемся разделении труда. Границы системы устанавливаются в зависимости от границ эффективности разделения труда. Каждая система с необходимостью обладает разнообразными видами институтов, которые управляют социальным действием. Валлерстайн выделяет различные вариации этих институтов, в частности экономические, политические, социокультурные, которые действуют одновременно и не могут рассматриваться врозь. В таком подходе самым важным является смена объекта анализа с

² Шютц Альфред. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М., 2003. С. 72.

³ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

«общества» на «мировую систему». Но этим не отвергается значение понятия «общество», но утверждается существование над обществом и государством более важного уровня общественных закономерностей и взаимодействия. Валлерстайн приводит в пример такие исторические системы, как Римская империя, капиталистическая мировая экономика, другие авторы относят к мир-системам также Монгольскую империю.

Взаимосвязанный мир – явление очень позднее. Даже после великих открытий, появления колониальных империй еще нельзя говорить о единой истории. Народы, даже попадая в зависимость от европейских стран, продолжали жить в рамках своей культуры со своими представлениями о времени и смысле жизни. О мировом сообществе как более или менее целостном явлении можно говорить после Первой мировой войны, когда появляются нормы и институты, регулирующие международные отношения в вопросах войны и мира, дипломатии, торговли, защиты прав человека и т.д. Несмотря на интенсивную глобализацию, нет уверенности в том, что народы согласятся принять единые образцы поведения.

У каждого народа время течет по-разному в зависимости от состояния социальных процессов, ментальности, особенностей культуры. В мировой практике принято делить историю на периоды до и после Рождества Христова, привязывать ее к некоторым технологическим признакам – каменный, бронзовый, железный век – или в новую эру соизмерять с европейской шкалой времени, выделяя периоды Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Такое деление полезно в процессе преподавания истории, но малоприспособлено для исследовательских задач.

Трудность определения шкалы времени сказывается при сравнении материалов историка, социолога, этнографа, экономиста. Для традиционного историка время измеряется событиями, он нанизывает одно событие на другое, собирает документы, сравнивает и пытается определить их подлинность, хотя документы могут ничего не значить для истории. События сами по себе не дают возможности отделить существенное от случайного. Как считал Гумилев, событие – это разрыв связей, а нас интересует не только разрыв, но и преемственность, ведь ткань истории непрерывна (лорд Актон). Фернан Бродель обращал особое внимание на многозначность понятия «событие», он его значение ограничивал сжатыми промежутками времени. Для него событие – это взрыв⁴, а хроника событий – «пена истории», под которой лежат фундаментальные законы. Яркое событие может быть значимым, а может оказаться просто скандальной новостью. В таком случае собрание документов становится пустым каталогом, а цепь событий – чередой случайностей, обычной хроникой, без значимых последствий. Порой калейдоскоп событий, расположенных в хронологическом порядке, создает иллюзию причинности и закономерности, но это может быть именно иллюзией, сводом фактов из случайного набора документов.

Бродель вводит понятие «большой длительности» в альтернативу хронологическому времени «событийной истории». В этом случае в истории выявляются постоянные структуры как система достаточно устойчивых

⁴ См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 2000. С. 115.

отношений между социальной реальностью и массами. «Для историков, – пишет он, – структура – это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени»⁵. При таком подходе историк из повествователя, хроникера становится аналитиком, он за документами ищет реальную действительность, которая имеет продолжение в наши дни.

Кратковременностью аналитического материала страдают социологи и экономисты, чьи задачи часто оказываются конъюнктурными. Социолог легко может отвлечься от понятия времени, экономист – ограничиться краткими периодами экономических циклов. Застывшее время создает иллюзию научности, поскольку возникает аналогия с ньютоновской классической механикой, которая покоряет своей логичностью, точностью, изяществом. Не случайно, когда мы говорим о науке, то имеем в виду взгляд рационализма Ньютона и Декарта. Но сегодня очевидно, что классическая механика – всего лишь частный случай даже в физической природе, не говоря уже о сложных системах. Но наше мышление сформировалось культурой механистического рационализма. Как это отражается на гуманитарных дисциплинах? Исследователи подходят к социальным явлениям точно так же, как к механическим системам, без учета направления времени и исторических скачков. Например, мы имеем в виду, что татары – всегда есть татары. И хотя вся история, этнография, литература и язык опровергают эту аксиому, мы пытаемся найти вечное и неизменное, рассуждая о татарах VII века так, будто они и есть прямые предки татар XXI века. Это мы принимаем *a priori*, без доказательств.

Стандарты научности, введенные Ньютоном и Роджером Бэконом, оказались слишком притягательными не только для естественников, но были также заимствованы гуманитариями, которые так или иначе пытаются следовать за математикой и физикой, забывая о качественном различии объектов исследования. Упрощенно говоря, у движения Луны вокруг Земли, что строго описывается законами классической механики, нет истории, хотя Луна со временем отдаляется от Земли. «Для того чтобы имело смысл говорить об истории, – пишет Илья Пригожин, – необходимо вообразить, что то, что имело место, могло бы и не произойти, необходимо, чтобы события вероятные играли бы неустранимую роль. Но череда случайностей – тем более не история. Также необходимо, чтобы некоторые из этих событий были в состоянии дать дорогу возможностям, условием которых они являются. Но, конечно, без того, чтобы они объясняли эти возможности»⁶. Сложные социальные системы невозможно описать в детерминистских терминах.

Гуманитариев подводит не только устоявшееся механистическое мышление, но и характер работы. Зачастую социолог и экономист выполняют вполне конкретную задачу определенной группы людей, крупных корпораций или правительственные программы. В их задачу входит достижение кратковременного успеха, а не долговременные последствия. Для политолога масштаб времени в один год, срок полномочий депутата или президента вполне достаточен для анализа, ибо он смотрит на время как на простую сумму

⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. С. 124.

⁶ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 11.

астрономических дней. Экономисту для понимания колебания цен и банковского процента, демографических процессов, изучения производства, анализа товарного обращения требуется более длительный масштаб времени. Историк же в принципе должен отвлекаться от конъюнктуры, а потому для него время не должно определяться событиями, а должно быть связанным с появлением и исчезновением явления, постоянством структуры, выявлением факторов, определяющих точную длительность движения и упадка народной жизни.

Система координат не может опираться на подходы социолога, политолога или экономиста, для них шкала времени как бы застыла, даже обращаясь к историческим событиям, они рассматривают их как хронологию, но не длительность. По большому счету эта шкала для всех общественных дисциплин должна быть универсальной и исходной категорией, поскольку разорвать экономику, политику и социально-культурную жизнь невозможно. В таком случае общим знаменателем может выступать только историческое понимание времени. «Историк никогда не может уйти от времени, – пишет Бродель. – Социолог же не испытывает особых затруднений в забвении времени. Он либо уходит в момент вечного настоящего, когда время как бы останавливается для него, либо обращается к повторяющемуся в явлениях, которое не принадлежит никакому конкретному времени. И так, он избегает времени с помощью двух различных умственных процессов. В одном из них он ограничивает свой анализ событиями в самом строгом смысле этого слова. Во втором он становится на точку зрения квазивечного времени. Законно ли все это? Именно этот вопрос и представляет собою подлинный предмет спора между историками и социологами или даже между историками различных убеждений»⁷. Можно согласиться с тем, что основой для всех гуманитарных дисциплин должно быть время историка, тем не менее остается вопрос о масштабе времени, о его начале для феномена, который мы изучаем, о значении и смысле понятия времени для конкретного народа. Нам нужны критерии для выбора системы координат, и тут мы оказываемся между двумя крайностями. С одной стороны, мгновение, взрыв, факт хроники как некий «атомарный» элемент исторического исследования и, с другой стороны, большая длительность, которую можно представить сколь угодно растянутой, и она, как говорил Бродель, «не может быть ничем иным как временем пророков». Первый тип времени Валлерстайн называет «событийным временем», а второй – «бесконечным временем»⁸. С тем чтобы примирить крайние точки зрения, Бродель предлагает альтернативное понятие «неисключенного среднего», которое состоит в разработке двух новых типов времени: темпоральности медленно изменяющихся устойчивых структур и циклической темпоральности конъюнктурных колебаний внутри этих структур. Валлерстайн эти понятия называет «структурным временем» и «циклическим временем».

⁷ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. С. 124.

⁸ См.: Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. Серия: Философия. № 409. 1998. С. 194.

Наряду с выяснением шкалы времени, нам важно выяснить вопрос начала отсчета времени. Европейская маркировка для научных исследований истории России и, в частности, татар не подходит. То же самое относится ко многим другим народам и странам, ведь у них различный исторический старт и различный темп движения. Возникает вопрос о Нулевой точке отсчета. С какого времени нужно начинать историю отдельного народа и в каком пространстве? Насколько это трудно и важно, показывает российская историография, которая не знает, с чего начать свою историю. К проблеме этнического происхождения русских добавляется полиэтничность страны, в которой народы в условиях демократии пишут собственную историю, которая в случае с татарами далеко не во всем совпадает с официальной точкой зрения, изложенной в учебниках истории России. Эта проблема неизбежно приобретает политический и идеологический характер, поскольку касается понимания государственного устройства страны. Если Россия – федеративное государство, как это записано в Конституции, если она полиэтнична, а в республиках как субъектах наряду с русским приняты и другие языки как государственные, то и история России должна быть полиэтничной. В таком случае нет ясности с Нулевой точкой отсчета. Брать ли за основу славян, русских, Киевскую Русь или же нужно начать с более древних народов, живших на этой территории и уже имевших свою государственность до появления славяно-русских княжеств? Политики не имеют ответа на этот вопрос, пытаются продолжить старую историографию с изложения колонизации русскими нынешней территории⁹. Но Россия как чисто русское унитарное государство не имеет перспектив. Политические реалии делают более предпочтительной федерализацию страны, а значит, и плюралистическое изложение истории.

Итак, Нулевое пространство-время не привязано к европейской системе координат, оно связано с этническим происхождением и/или становлением государства, учитывает пространство исторического и настоящего проживания народов. Исследуя происхождение народа, мы вынуждены углубляться в толщи веков, где ищем самоназвание народа, культурные маркеры, свидетельства, по которым можно судить о том, что это тот же народ или уже другой. Очевидно, что татары – тюрки, а Тюркский каганат основал род Ашинов гуннского происхождения. А гунны связаны с хуннами/сюннами и т.д. Но такая цепочка ничего не объясняет для сегодняшней нашей жизни. К тому же в этом не содержится доказательства о сохранении какой-либо этнической константы или культурных инвариантов. Просто таким образом мы хотим увести решение в глубь веков и там похоронить его, сославшись на недостаточную исследованность древней истории, нехватку документов и археологических данных. Это уход от проблемы, а не его решение. Но даже если бы мы имели всю цепочку событий, документов, уточнили этнонимы, изучили язык, культуру, то и в этом случае возникает вопрос о Нулевой точке отсчета. Не начинать же историю с неандертальцев?

История народов и государств – это постоянное поглощение одних другими, укрупнение сообществ, их распад и образование новых союзов. В этом

⁹ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. I. С. 50.

процессе есть периоды спокойного течения времени, а есть бурные периоды ломки устоев. Одна фаза социальных изменений сменяется другой. При этом некоторые народы или государства могут исчезнуть с исторической арены или же они могут создать новые государства, и тогда возникает новая система координат пространства-времени. По сути дела, возникает новый фазис с качественно иными социальными процессами. Образно выражаясь, старая история умирает и дает жизнь новой истории.

В этой цепочке смены фазисов новый этап, слом старых и появление новых субъектов и отношений могут быть результатом как внешних воздействий типа войны, так и внутренних изменений. Внешние силы нельзя рассматривать как посторонние, в отрыве от внутренних процессов, как природные факторы вроде урагана или наводнения. Существенно взаимодействие внутренних и внешних факторов. Если происходит завоевание страны, успех зависит не только от мощи внешних сил, но и от способности сопротивляться им со стороны внутренних сил. Характер взаимодействия сообщества с внешним миром будет подготовлен внутренними изменениями. Плавное течение социальных процессов однажды сменяется их бурным течением. Это может быть результатом случая или воздействия каких-то сил, важен сам факт. Детерминированная причинность дает сбой в результате случайной флуктуации, и начинается новая цепочка событий. Генетики говорят о мутациях, которые трудно предсказуемы, они вероятностны. Этнические изменения могут вызвать пограничная ситуация, раскол этноса или, наоборот, объединение различных этносов в один. Смешению генотипов и культур способствуют торговля, войны, культурное влияние, мощь государства, смешанные браки и т.д. В результате наступает переломный момент, который Пригожин называет точкой бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее движение: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности. «Вблизи точек бифуркации, – пишут Пригожин и Стенгерс, – в системах наблюдаются значительные флуктуации. Такие системы как бы “колеблются” перед выбором одного из нескольких путей эволюции, и знаменитый закон больших чисел, если понимать его как обычно, перестает действовать. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы. Неизбежно напрашивается аналогия с социальными явлениями и даже с историей. Далекие от мысли противопоставлять случайность и необходимость, мы считаем, что оба аспекта играют существенную роль в описании нелинейных сильно неравновесных систем»¹⁰. В гуманитарных науках обычно говорят о социальной или научно-технической революции, экономическом кризисе, сдвиге парадигмы ментальности, новой эпохе. Суть явления состоит в том, что плавное течение времени завершается и начинается новая историческая фаза. Таким образом, Большая История выглядит как чередование устойчивых периодов с одной системой координат пространства-времени, когда доминируют детерминистические законы, с неустойчивыми фазами вблизи точек бифуркации,

¹⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 56.

где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего. Сама возможность каких-либо изменений системы предполагает наличие в них зародышей будущих сценариев.

Неустойчивая социальная система внутри себя содержит определенную «оппозицию» как альтернативу, которая может воспользоваться ситуацией нестабильности для реализации собственной идеологии. Такие «опасные» элементы содержатся в любой системе, но проявиться они могут только в периоды разлома или воздействия неблагоприятных внешних факторов. Саму неустойчивость нельзя оценивать как негативный фактор. Хотя любая система стремится к стабильности, тем не менее именно неравновесное состояние является условием динамизма, иначе система начинает стагнировать, превращается в сонное царство, то, что назвали применительно к советской системе «застоем», а потому рано или поздно проиграет в конкурентной борьбе с внешними силами. Более того, именно наличие альтернативной возможности системы спасает ее в периоды хаоса, позволяет перегруппироваться социальным силам на основе новой идеологии.

Жизнь со временем только усложняется, а значит, устойчивость и простота становятся скорее исключением, чем правилом. Из политической истории хорошо известно, что государства с жестко выстроенной системой управления рано или поздно погибают вследствие своей негибкости. Устойчивость динамичной системы, как бы устойчивость второго порядка в отличие от «застоя», появляется благодаря неравновесности системы, гибкости структуры, позволяющей альтернативным силам вовремя подхватить эстафету, не превращая сообщество в реликтовую цивилизацию. Пригожин и Стенгерс пишут: «Здесь мы подходим к одному из наших главных выводов: на всех уровнях, будь то уровень макроскопической физики, уровень флуктуаций или микроскопический уровень, *источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”*»¹¹. Этот вывод можно распространить и на социальные системы, на что указывают сами авторы: «Идеи, которым мы уделили в книге достаточно много внимания, – идеи о нестабильности флуктуаций – начинают проникать в социальные науки. Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям»¹². Если воспользоваться терминами классической механики, то можно утверждать, что в социальных системах периоды линейного развития крайне редки, они скорее исключение, чем правило.

Другое следствие бифуркации, можно сказать «квантового скачка», состоит в том, что система переходит в состояние необратимости процессов, в состояние, когда будущее не содержится в настоящем, оно кардинально отличается. Это не переход из настоящего в будущее с предсказуемыми последствиями, а такая революция, которая ломает старое до основания, и

¹¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. С. 357.

¹² Там же. С. 386.

строится новый мир. Иначе говоря, переход точки невозврата лишает всякой надежды на реставрацию. Стрела времени уже не имеет обратного хода. Эпизоды из революционной практики, когда после радикальных реформ наступает реставрация вроде возвращения Бурбонов, следует рассматривать всего лишь как продолжение революции, которая не бывает одномоментной, что хорошо продемонстрировал Пителир Сорокин¹³. Детерминистические суждения применимы лишь в определенных пределах стабильного, полусонного состояния общества. В остальном мы должны использовать вероятностные суждения, а в точках разлома учитывать нелинейность пучка, веера возможных путей эволюции.

Мы наивно полагаем, что любое прошлое событие оказало какое-то воздействие на последующее, а потому так или иначе имеет отношение к нам. Мы исходим из ньютоновского детерминизма, который применим к простым системам. К этому добавляются телеологические представления о предопределении. Но в точке бифуркации детерминизм «ломается», а значит, прекращается прежняя причинно-следственная связь. Иначе говоря, история начинается заново. Реальные последствия на нашу современную жизнь оказывают события последнего фазового времени-пространства.

Такой теоретический подход приводит к неожиданным выводам: Нулевая точка отсчета в исторической шкале времени может сдвигаться в зависимости от переломных скачков. Любое стабильное сообщество можно рассматривать в качестве автономного феномена со своей системой координат. Так, Тюркский каганат как союз различных племен был основан в 551 году. Это и есть Нулевая точка системы координат. Мы можем рассматривать предыдущую историю элементов, вошедших в это государство, но они уже осуществляют иные функции. Как явление Тюркский каганат начинается только с VI века. Раньше была другая история – кочевых, в частности гуннских, степных империй. Конечно, тюрки заимствовали из предыдущих империй язык, элементы культуры, сходные способы ведения хозяйства, военный строй и административное управление, но Тюркский каганат – это качественно новая государственная система, переформатировавшая прежние элементы в рамках новой матрицы, с новым дискурсом поведения.

При достаточно тонком анализе, конечно, можно попытаться проследить самостоятельную «татарскую» этническую историю в рамках различных государств. Для этого нам нужно привязаться к этническому самоназванию как к отправной точке. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письма – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана, восьмиплемённые татары, семнадцать аз'ских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами»¹⁴. Татары изначально были одним из активных исторических субъектов, участвовавших в формировании тюркского народа, но татарских племен было большое количество, и каждое из них имело свое самоназвание. Можно обсуждать историю «белых», «черных», «диких» татар. Кимакский каганат учредили татары вместе с кипчаками, они в историю вошли как кимаки. Ис-

¹³ См.: Сорокин П.А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. 783 с.

¹⁴ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 43–44.

ходя из этих и других свидетельств, мы можем утверждать только одно – различные татарские племена были составной частью различных государств, но это не собственно татарская история, а можно сказать, исторические перипетии этнонима. Древних татар и сегодняшних татар объединяет только самоназвание. История этнонима увлекательна, но что мы можем извлечь сегодня из его прошлого? Можем только внести путаницу в современную историю, как это произошло с политонимом «булгар».

Итак, мы пришли к идее Нулевой точки истории, которая связана с хронопространством. Само хронопространство, конечно же, имеет периоды более бурного или стабильного движения. Когда движение имеет линейный характер, могут быть и точки возврата, т.е. то, что называется реставрацией, циклическим развитием и т.д. С тем чтобы историческое время не путать с уже существующей периодизацией, можно их делить на фазисы. Каждую новую фазу можно рассматривать как самостоятельную историю со своей системой координат. При этом Нулевая точка будет смещаться по мере движения из глубин веков к нашей эпохе. Историю, конечно, можно углублять вплоть до неандертальцев, но смысл имеет тот период, с которым связаны смысловые конструкции, дискурсы поведения. На научном уровне легко доказать алтайские корни татар. Более того, эти корни имели вполне зримые государственные формы в виде Тюркского или Кимакского каганатов. Но на психологическом уровне для татар это слишком далекая история, которая не фиксируется в мотивации. Легенды сохранили об этом память, но они преобразовались, подстроившись под новую ситуацию, с привязкой к территории современного проживания¹⁵. Для этнического мышления не существует абстрактной территории, она должна быть связана с его нынешним существованием, иначе она начинает носить легендарный характер. Для этнического сознания не существует бесконечно глубокой истории. Она может быть весьма неблизкой. Например, татары события 1552 года, связанные со взятием Казани, воспринимают весьма болезненно. Хотя они хронологически отстоят далеко, но связаны с потерей государственности, а это уже болезненная тема для сегодняшнего дня. История может оказаться хронологически очень близкой, но уже стать легендарной. Эдвард Эванс-Причард пишет о нуэрах Южного Судана: «Насколько неглубоко представление нуэров о времени, можно судить по тому факту, что дерево, под которым зародилось человечество, все еще стояло несколько лет назад в западной части их страны»¹⁶. Для многих народов выбор точки отсчета времени определяется тем значением, которое оно имеет для человека в повседневной жизни.

Попытаемся применить вышесказанное к истории татар и Татарстана. На территории республики нам интересно все, что когда-то происходило: первобытные стоянки человека, каменный, бронзовый, железный век. Все эти хронологические годы являются предметом археологии, а не истории, поскольку в такой древности трудно говорить о каком-либо сообществе как объекте истории. Определения «народ» и тем более «государство» неприменимы к тем эпохам человеческой жизни.

¹⁵ См.: Легенды об Альпе в кн.: Борыңгы татар әдәбияте. Казан, 1963.

¹⁶ Эванс-Причард Э.Э. Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985. С. 100.

Появление гуннов на территории Татарстана меняет объект исследования, поскольку гунны уже представляют собой союз племен с ярко выраженной государственностью и размытыми границами проживания. Кочевая империя оперирует пространством иначе, нежели оседлые государства. Это не значит, что у кочевников отсутствует понятие границ, они не только имеют четкую конфигурацию, но и крайне важны для всего хозяйства, поскольку связаны с пастбищами, от которых зависит мощь конницы и количество скота. Территория современного Татарстана оказывается втянутой в мир кочевой культуры гуннов, а затем тюрков, но не в качестве самостоятельного сообщества, а как элемент огромного пространства.

Распад Тюркского каганата и образование Волжско-Камской Булгарии можно считать точкой бифуркации. Этнические элементы, вошедшие в новое государство, остались в основном прежними. Они перегруппировались и выстроили новую административную структуру. Нетрудно проследить преемственность нового государства с Тюркским каганатом, но это другая история с собственной системой пространственно-временных координат. Особенность Волжско-Камской Булгарии привносят реки (Кама, Волга, Вятка) как важнейшие торговые пути. Здесь кочевая культура соединяется с оседлой, что становится предпосылкой для определения характера будущей Золотой Орды, соединявшей Степь с реками как транспортными (сухопутными и водными) путями, на чем и строилась будущая Монгольская империя.

Нулевой точкой отсчета можно считать 922 год, когда ислам стал официальной религией Волжско-Камской Булгарии, она перестала платить дань Хазарскому каганату, а главное – молодое государство получило международное признание, что было зафиксировано самим фактом приезда посольства Ибн Фадлана. Фазовое хронопространство Волжско-Камской Булгарии заканчивается в 1236 году, когда оно оказывается включенным в Улус Джучи.

Конечно, Булгарское государство оказало сильнейшее влияние на формирование не только татар, но и всего Поволжья, но болгарские корни выполняют функцию не столько реальной истории, сколько мифа – очень правдоподобного, научно достоверного, но все же мифа о происхождении. Принятие ислама, первые сахабы, путешествие Ибн Фадлана воспринимаются как легендарные. Даже когда мы обращаемся к образу Великого Булгара, мы перед глазами имеем город, построенный Бату-ханом, как первую ставку Золотой Орды. Собственно, о болгарских корнях вспомнили в XIX веке, когда появилось национальное (в европейском смысле) сознание. Когда Марджани для написания цельной истории татар понадобилось обосновать местные корни в исламе и создать собственную татарскую систему образования, именно тогда и становится актуальной болгарская тематика. Курсави, Утыз Имяни, Марджани и другие разочаровались в Бухаре как центре религиозных знаний и поставили задачу создания собственной системы образования, адекватной интересам татар России. В акценте на добровольном и самостоятельном принятии татарами ислама в Болгаре, в трактовке Казани как «Нового Болгара» («Болгар ал-джаид») содержался фактический отказ от господствовавшей тогда ориентации на Среднюю Азию. «В результате, – пишет Михаил Кемпер, – Бухара оказалась в роли антипода новой зарождающейся культуре. В этом процессе «булгарские» улемы XIX века стремились, переосмыслив ислам, к его истинной сути, тогда как татарская интеллигенция, появившаяся в начале

XX века, – к национальной и светской идеологии на основе европейской модели, ориентированной в дальнейшем идеями, далекими от среднеазиатских традиций»¹⁷. Утыз Имяни отразил в своем творчестве разочарование, которое испытывали татарские юноши в центре образования – Бухаре. Образ «Священного Болгара» выполнял символическую функцию.

Именно Золотая Орда как мощное государство, с замечательной системой коммуникации, передвижением громадных людских ресурсов на тысячи километров, обширной торговлей привела к серьезным «мутациям» в этническом плане. Произошло громадное смешение этнических групп. Преемственность с предыдущими государствами, конечно, сохранилась. Очевидно прямое заимствование многих элементов тюркской культуры не только в военном искусстве или ведении хозяйства, а и в языке, культуре, но и кардинальные изменения также налицо.

На первый взгляд распад Золотой Орды и образование множества татарских ханств говорят о новой фазе в истории. Однако это не так. Если бы Золотая Орда была действительно разрушена извне другим государством, с другой системой управления и культурой, тогда можно было бы говорить о новой фазе. Но Московия, которой пытаются приписать честь разрушения Золотой Орды, никогда с ней не воевала. Поэтому время татарских ханств стало всего лишь инерционным периодом, это эпилог Золотой Орды.

Из внешней политики татарский фактор исчезает вместе с падением Крымского ханства, но во внутренних делах татары проявляют живейшую активность, особенно во времена Смуты. Это связано не только с Касимовским ханством, романовскими татарами, казаками, но также многими дворянами татарского происхождения, среди которых встречаются весьма примечательные политические фигуры, такие как Симеон Бекбулатович.

Впоследствии татарское влияние в большей степени сказывается через крестьянские восстания, направленные против христианизации. Насколько это было существенно, показывает факт вынужденного принятия Екатериной II указа о веротерпимости. Вместе с капитализмом влияние татар переходит в иную плоскость. В данном случае нам важен не собственно подробный анализ этих переходов, но, скорее, их непрерывность, которая указывает на то, что татары из истории России не выпадали. Просто их влияние то уменьшалось, то усиливалось. У нас нет основания прерывать нить исторического изложения со времен появления Бату-хана на берегах Волги.

С Золотой Ордой дело обстоит сложнее и не столь прямолинейно, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что для русских Нулевая точка истории тоже начинается с Золотой Орды. Киевская Русь представляет интерес только как место принятия православия, как идея государственности она никак не повлияла на появление России. В этом смысле она представляет «легендарный» период российской истории. Другие княжества также не могли стать основой российской государственности. Московия это всего лишь великое княжество. Территория, отчасти культура, Золотой Орды стала базой для будущей России, а потому появление татар в европейской части стало точкой бифуркации для русских и многих других народов. Россия как го-

¹⁷ *Кемпер М.* Между Бухарой и Средней Волгой: Столкновение Абд ан-Насра ал-Курсави с улемами-традиционалистами // Мир ислама. 1999. № 1–2. С. 168.

сударство вместо Московии, собиравшей вокруг себя ряд княжеств, появляется вместе с завоеванием Казанского ханства. Но сама идея великого государства зарождается в недрах Золотой Орды, когда Москва начинает расти как финансовый и идеологический центр. Н.С. Трубецкой пишет о русских княжествах как провинциях большого государства: «Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему Монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, *казна, казначей, деньга, алтын, таможня*), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго»¹⁸. Существенно отметить такой фактор, как пример государственности, ставший идеологическим ядром собственно русской идеи. «Приобщение России к монгольской государственности, разумеется, не могло быть только внешним и сводиться к простому распространению на Россию системы управления, господствовавшей и в других областях и провинциях Монгольской империи, – продолжает Трубецкой, – разумеется, должен был быть воспринят Россией до известной степени и самый дух монгольской государственности». Этот дух, соединенный с византийскими традициями православия благодаря деятельности Сергия Радонежского, основателя главного центра религиозного движения – Троице-Сергиевой лавры, и стал собственно русской идеей. Хотя Россия формально появляется после взятия Казанского ханства, а Трубецкой к этому добавляет также Астраханское и Сибирское ханства, тем не менее идеология зарождается в Москве как протекторате Золотой Орды. Во вновь появившейся России ни административная, ни финансовая системы, ни средства коммуникации не имели ничего общего с прежними русскими княжествами. Государственные структуры продолжали золотоордынские традиции вплоть до реформ Петра I. Поэтому в истории российской государственности Нулевой точкой следует рассматривать именно Золотую Орду. Ее обширная территория, полиэтничный состав и характер государственности появились именно благодаря гегемонии Москвы на ордынских пространствах.

Учитывая пространство проживания татар, эволюцию в рамках России, можно утверждать, что Нулевая точка татарской истории, донесшая культурные инварианты до сегодняшнего дня, начинается в Золотой Орде. Не в Тюркском каганате и не в Булгарском государстве, а именно в Золотой Орде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 2000.
2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

¹⁸ *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век. СПб.-М., 2003.

3. *Валлерстайн И.* Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // *Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. Серия: Философия.* № 409, 1998.
4. *Кемпер М.* Между Бухарой и Средней Волгой: Столкновение Абд ан-Насра ал-Курсави с улемами-традиционалистами // *Мир ислама.* 1999. № 1–2.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. I. М., 1987.
6. *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
7. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008.
8. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // *Вопросы философии.* 1989. № 8.
9. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
10. *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // *Классика геополитики, XX век.* СПб.–М., 2003.
11. *Фуко Мишель.* Археология знания. Киев, 1996.
12. *Шютц Альфред.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
13. *Эванс-Причард Э.Э.* Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.
14. *Борьцгы татар әдәбияте.* Казан, 1963.

Сведения об авторе: Рафаэль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

THE ZERO POINT OF HISTORICAL TIME

R.S. Khakimov

(Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Historical studies are based on the assumption that there is a reference-starting point of the space-time – the zero point of coordinate system. Due to the bifurcation in the Zero Point, the course of social processes changes sharply and the probabilistic causality replaces the deterministic one. For this reason changes occur in the structure of social relations and statehood form as well as in the course of the ethnic processes. In such a way emerges a new discourse of the national behavior. With regard to the history of the Tatars and Tatarstan, such bifurcation points occurred in the periods of the formation of the Turkic Khaganate, of the Volga–Kama Bulgaria and of the Golden Horde. Despite the radical changes, the Russian Empire failed to transform the Tatars in Russians. Therefore the modern Tatars preserved the Golden Horde tradition as a cultural invariant.

Keywords: Tatars, Volga–Kama Bulgaria, Golden Horde, Russia, Zero point of history, historical time.

REFERENCES

1. Braudel F. *Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [History and Social Sciences. Long Term History]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow, 2000.
2. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of Global Systems and the Situation in the Contemporary World]. Saint-Petersburg, 2001.
3. Wallerstein I. *Vremya i dlitel'nost': v poiskakh neisklyuchennogo srednego* [Time and Duration. The Unexcluded Middle]. *Filosofskie peripetii. Vestnik Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philosophical Vicissitudes. Bulletin of Kharkov State University], no. 409. Seriya: *Filosofiya*. KhGU, 1998.
4. Kemper M. *Mezhdue Bukharoy i Sredney Volgoy: stolknovenie Abd an-Nasra al-Kursavi s ulemami traditsionalistami* [Between Bukhara and Middle Volga. Clash between 'Abd an-Nasir al-Kursavi and Traditionalist Ulema]. *Mir islama – The World of Islam*, 1999, no 1–2.
5. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh* [The Collected Works in Nine Volumes], vol. I. Moscow, 1987.
6. Klyashtorny S.G. *Runicheskie pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya evraziyskikh stepey* [Runic Monuments of the Uighur Khanate and the History of the Eurasian Steppes]. Saint-Petersburg, 2010.
7. Sorokin P.A. *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution]. Moscow, 2008.
8. Prigozhin I. *Pereotkrytie vremeni* [Rediscovery of the Time]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 1989, no 8.
9. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [The Order out of the Chaos. New Human Dialogue with Nature]. Moscow, 1986.
10. Trubetskoy N.C. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka* [The Glimpse to Russian History not from the West, but from the East]. *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classics of Geopolitical Studies, 20th Century]. Saint-Petersburg-Moscow, 2003.
11. Fuko Mishel'. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, 1996.
12. Schütz Alfred. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [Meaning Structure of the Everyday World. Essays on the Phenomenological Sociology]. Moscow, 2003.
13. Evans-Pritchard E.E. *Nuery. Opisanie sposobov zhizneobespecheniya i politicheskikh institutov odnogo iz nilotskikh narodov* [The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People]. Moscow, 1985.
14. *Boryndy tatar edebiyaty* [Ancient Tatar literature]. Kazan, 1963.

About the author: Rafael Sibgatovich Khakimov – Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Doctor of historical studies (Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru